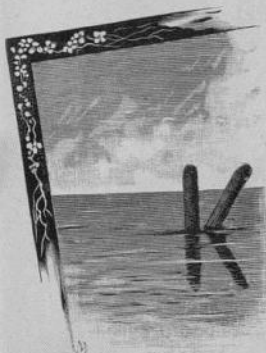

Баба-Яга *).

Огда-то въ нѣкоторомъ городѣ жилъ купецъ съ женою, а у нихъ была дочка Настя, единое дитятко. Не наглядятся на дочку отецъ съ матерью, не нарадуются, берегутъ пуше глаза, чтобы вѣтеръ на нее не пахнулъ, горячее солнышко ея личика не опалило. Жилъ купецъ въ хорошемъ достаткѣ, съ женою—въ любви да согласіи: добрые люди ихъ жизнью радуются, а худые завидуютъ.

Пуше всѣхъ завидовала купцовой женѣ одна ихъ сосѣдка вдова, и задумала она купчиху извести, чтобы самой потомъ за купца замужъ выйти. Была она женщина еще въ самой порѣ: высокая бѣлая да румяная, хотъ отъ перваго мужа у нея было двѣ дочери, постарше Насти. Собралась вдова и пошла въ дремучій темный лѣсъ; а въ томъ лѣсу жила ея тетка, Баба-Яга, злая колдунья. Все вдова Ягѣ разсказала, ничего не потаила и дала ей Яга два яблока,—не простыя, заколдованныя: первое женщины дать—обернется она коровою, а вторымъ всякаго мужчину къ себѣ приворожить можно.

Вернулась вдова домой, сейчасъ пошла къ своей сосѣдкѣ и стала ее звать: «Что ты все дома сидишь? Пойдемъ, въ зеленой рощѣ погуляемъ». Согласилась купчиха, взяла съ собой дочку—

*) По варьянту изъ сборника Богдана Бронницкаго.

и пошли онѣ въ зеленую рощу гулять. Какъ завидѣла Настя цвѣточки алые, лазоревые,—принялась ихъ рвать, вѣнки заплетать. Деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, и отошла отъ родимой матушки изъ виду. Въ ту пору купчиха отъ жары при-
томила, захотѣлось ей испить. Подвела ее вдова къ глубокому бездонному пруду, что посреди рощи былъ, и говорить: «Можно и изъ пруда напиться, только вода въ немъ плохая, стоялая. Лучше, скушай вотъ это яблочко, спѣлое да сочное» — и дала купчихѣ заколдованное яблоко. Только откусила она яблока — обернулась коровой-Буренушкой. А вдова давай кричать, людей на помощь звать: будто оступилась купчиха съ крутого берега и въ пруду утонула. Собрались люди, стали баграми въ пруду искать, невода закидывать,—не нашли купцовой жены, и разошлись по домамъ.

Пошелъ домой и купецъ съ дочкой, а корова-Буренушка ни на шагъ отъ нихъ не отстаетъ, идетъ сзади, въ лицо Настѣ заглядываетъ, и текутъ изъ ея глазъ слезы, точно человѣкъ горько плачетъ. Пришли домой. «Чья это корова?—спрашиваетъ Настю отецъ.—Надо ее прогнать.» Стала Настя его просить-молить, чтобы оставилъ онъ Буренушку, не гналъ бы со двора. «Ну, хорошо,—говоритъ купецъ,—пусть побудетъ, пока хозяинъ не сыщется. Не отыскался хозяинъ у Буренушки, такъ она и осталась.

Прошло послѣ того съ годъ времени, — ужъ купецъ во вдовѣ души не чаетъ; околдовала она его приворотнымъ яблокомъ и такъ ему полюбилась, что только онъ и думаетъ, какъ бы ее за себя замужъ взять. А вдовѣ—то и на руку; какъ посватался къ ней купецъ, сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадьбу, — и перешла вдова съ дочерьми жить къ новому мужу въ домъ.

Худое тутъ Настѣ пришло житье. День и ночь мачиха на нее ворчитъ. Какъ у ней языкъ не заболитъ? Все не такъ, все худо, поидетъ и придетъ, станетъ и сядетъ, — все не впадетъ. Съ утра до вечера, какъ заведенныя гусли. У родимой матушки Настя, какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да за-

тихнеть, а злая баба расходится—не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. Чужие люди Настю любили и жалѣли, а мачиха съ сестрами ея красотѣ завидовали, мучили ее всякими работами, чтобы она отъ трудовъ похудѣла, отъ солнца почернѣла. Только какъ ни старались онѣ Настю извести — ничего подѣлать не могли: сами отъ злости худѣли да дурнѣли, а Настя со дня на день хорошѣла, какъ пышный цвѣтокъ распу-скалась, на всю округу первой красавицей, первой рукодѣльницей слыла.

Злится мачиха день ото дня больше, а того не знаетъ, что помогала Настѣ ея коровка-Буренушка. Вотъ какъ это дѣло сталося. Только что вышла вдова замужъ за Настинаго отца, при-дралась чего-то къ падчерицѣ, и выгнала ее вечеромъ зимою въ лютый морозъ изъ дому вонъ: ночуй, гдѣ хочешь. Посидѣла бѣд-няжка въ сѣняхъ,—не знаетъ, гдѣ голову приклонить,—и наду-мала, пойти хоть въ хлѣвъ погрѣться. Вошла въ коровникъ, при-жалась къ своей Буренушкѣ, обхватила ее за шею,—стоитъ, горь-кими слезами обливается.

Вдругъ, въ самую полночь, только что пѣтухи пропѣли, го-ворить ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, мое ди-тятко, не горюй! Знаю я твою бѣду и въ ней тебѣ помогу. Вѣдь я твоя родная матушка: обернула меня коровой злая раз-лучница, мачиха. Говорить съ тобой человѣчьимъ голосомъ мож-но мнѣ только одинъ разъ въ году — въ нынѣшнюю ночь, и то только три минуточки. Слушай скорѣй: какъ приключится тебѣ отъ мачихи какая бѣда,—побѣдетъ она тебя или тяжелой ра-ботой замучаетъ—приходи ко мнѣ; въ одно мое ушко влѣзь, въ другое вылѣзь—и все горе твое какъ рукой сниметъ, еще боль-ше похорошѣешь. А если работу какую непосильную тебѣ ма-чиха задастъ, приноси, коли можно, ее ко мнѣ; я тебѣ и въ этомъ помогу».

Такъ и стала дѣлать Настя. Обидитъ ее мачиха, она про-крадется въ хлѣвъ къ своей Буренушкѣ, припадетъ ей на шейку, какъ къ родной матери и выплачетъ свое горе: «Буренушка, матушка! Бьютъ меня, журятъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ! На завтра приказала мачиха пять пудовъ льну напрясть,

наткать, побѣлить, въ куски скатать.» Потомъ влѣзетъ Буренушкѣ въ одно ушко, въ другое вылѣзетъ, — горя какъ не бывало и вся работа сдѣлана: и напрядено и наткано и побѣлѣно и скатано. Поглядитъ мачиха на сработанное, побряхтитъ, поворчитъ, спрячетъ въ сундукъ своимъ дочерямъ на приданное, а падчерицѣ еще больше работы задастъ.

Идетъ время да идетъ, а Настя часъ отъ часу все цвѣтетъ, хорошеетъ. Всѣ женихи къ ней присватываются,—на мачихиныхъ дочерей никто и смотрѣть не хочетъ. Мачиха पुще прежняго злится и всѣмъ женихамъ одно отвѣчаетъ: «Не выдамъ меньшей прежде старшихъ!» А проводивши жениховъ, побоями зло Настѣ вымещаетъ.

Билась-билась мачиха съ падчерицей,—ни что не беретъ,—и порѣшила пойти къ Бабѣ-Ягѣ въ дремучій лѣсъ за совѣтомъ, какъ бы Настю извести. Говоритъ ей Яга. «Ничего ты съ ней не подѣлаешь, пока у васъ въ домѣ корова Буренка живетъ,—вѣдь корова-то ея мать. Прикажи ты корову эту зарѣзать, а падчерицу потомъ пришли ко мнѣ за какимъ нибудь дѣломъ. Я ужъ съ ней по своему управлюсь.»

Только что вернулась купчиха домой,—начала къ мужу приставать: «Вели корову-Буренку зарѣзать: она всю ночь мычитъ, мнѣ спать не даетъ. Молока отъ нея нѣтъ, только даромъ кормимъ.» Услыхала это Настя, испугалась, стала, было, отна просить, чтобы не слушалъ мачихи, не велѣлъ рѣзать любимую Буренушку, — какъ накинется на нее мачиха: «Ахъ ты, такая-сякая, хочешь меня съ мужемъ ссорить!» Избила Настю и вонъ изъ дому выгнала. Купцу что до коровы,—рѣзать, такъ рѣзать,—послалъ за мясникомъ, чтобы на другой день зарѣзалъ корову.

А Настя прибѣжала ночью къ своей Буренушкѣ, припала къ ея шеѣ, плачетъ горькими слезами да приговариваетъ: «Родимая моя Буренушка! Нѣтъ конца мачихиной злобѣ: приказала она тебя завтра зарѣзать. Убьютъ тебя, — на кого я, горемычная, останусь?» Отвѣчаетъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, дитятко мое милое: слезами горю не поможешь; видно, такъ мнѣ на роду написано. Не та бѣда, что убьютъ меня, а то горе, что нельзя ужъ мнѣ будетъ помогать тебѣ, какъ я прежде помогала. А

все-таки не оставляю я тебя безъ помощи. Какъ зарѣжутъ меня, попроси ты мясника, чтобы отрубилъ онъ мой правый рогъ; береги его всегда при себѣ, никому не показывай, а когда приключится съ тобою какая бѣда—приложи рогъ къ уху и слушай: онъ тебя научитъ, какъ горю пособить.»

На другое утро зарѣзали Буренушку при злой мачихѣ; а какъ ушла она и сталъ мясникъ мясо на части рубить,—выбѣжала къ нему Настя и выпросила себѣ на память правый Буренушкинъ рогъ.

Вскоро послѣ того повадилось купцу уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Какъ уѣхалъ онъ, мачиха перешла на житье въ другой домъ, а возлѣ того дома и начинался дремучій лѣсъ, гдѣ Баба-Яга жила. Пришла осень. Разъ вечеромъ мачиха роздала всѣмъ тремъ своимъ дѣвицамъ работу: старшую дочь заставила кружева плести, младшую—чулки вязать а Настю—прясть, и всѣмъ большіе уроки въ работѣ задала. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку въ той горницѣ, гдѣ работали дѣвушки, а сама спать легла. Дѣвушки работали. Только вдругъ затрещала свѣчка, — что-то на свѣтильню попало,—и начала гаснуть. Старшая мачихина дочка стала было поправлять свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, будто нечаянно, и потушила свѣчку вовсе. «Что намъ теперь дѣлать?—говорить.—Огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ Бабѣ-Ягѣ.»—«Мнѣ отъ спицъ свѣтло, — говоритъ младшая мачихина дочка, что чулки вязала,—я не пойду.»—«И я не пойду, мнѣ отъ булавокъ свѣтло,» — говоритъ ея сестра, что кружева плела. «Тебѣ за огнемъ идти!—закричали обѣ.—Ступай къ Бабѣ-Ягѣ!» и вытолкали Настю изъ горницы.

Пошла она въ свой чуланчикъ, сѣла и задумалась: «Чѣмъ мнѣ каждый день муки терпѣть, — пойду лучше къ Бабѣ-Ягѣ: одинъ конецъ!» Вынула Буренушкинъ рогъ, приложила его къ уху — и слышитъ, точно издали ей тихій голосъ говорить: «Не бойся, Настенька, дочка моя милая; ступай, куда посылаютъ. Только смотри, рѣга съ собой взять не забудь да почаще его слушай,—ничего съ тобой у Яги не станется». Настя спрятала рогъ за пазуху, перекрестилась и пошла въ дремучій лѣсъ.

Всю ночь прошла Настя, не останавливаясь; чуть-чуть сѣрѣть въ лѣсу стало — вышла она на поляну, гдѣ стояла избушка Бабы-Яги. Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтушьихъ пяткахъ, кругомъ избушки заборъ изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами — и горятъ эти глаза яркимъ огнемъ, такъ что на полянѣ какъ днемъ свѣтло; вмѣсто верей у воротъ — ноги человѣчи, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замка — ротъ съ острыми зубами; за заборомъ собачка бѣгаетъ, побрѣхиваетъ. Обомлѣла Настя, прижалась къ дереву, шевельнуться со страху не можетъ.

Вдругъ — скачетъ черезъ поляну всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлый и сбруя на конѣ бѣлая, — стало разсвѣтать, мѣсяцъ за гору зашолъ, у череповъ глаза начали гаснуть. Все стоитъ Настя, отъ страха опомниться не можетъ. Немного погодя промчался другой всадникъ: самъ красный, одѣтъ въ красномъ, конь подъ нимъ красный и сбруя на конѣ красная, — стало всходить солнце. Все стоитъ Настя, тронуться съ мѣста не смѣетъ, не знаетъ, что дѣлать. Вынула она изъ-за пазухи Буренушкинъ рогъ, прислушалась, — изъ него говоритъ ей голосъ: «Сейчасъ пріѣдетъ Баба-Яга съ добычи, ты къ ней подойди, свое дѣло ей скажи, все, что она прикажетъ, дѣлай и никому, кто что отъ тебя будетъ просить, не отказывай».

Вдругъ страшно въ лѣсу загремѣло, завывало, застучало: поднялся вихрь, деревья къ землѣ приклонились, застонала мать сыра-земля — выѣзжаетъ изъ лѣсу Баба-Яга, костяная нога. Въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замечаетъ. Подѣхала къ воротамъ, остановилась, оглядѣлась, обнюхала кругомъ: «Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто здѣсь есть — отзовись!» Настя подошла къ старухѣ со страхомъ и низко ей поклонилась: «Это я, бабушка. Меня мачихины дочки прислали, огоньку у тебя попросить». — «А, внучка, наконецъ-то ты ко мнѣ пожаловала! Ну, входи въ мой домъ, поработай на меня. Коли угодишь, — будетъ тебѣ огонь, а нѣтъ — не прогнѣвайся: найдемъ для твоей головы въ заборѣ свободный колъ!» Потомъ обернулась къ воротамъ и крикнула: «Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкните! Ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отвори-

ГРЕНАРЪ Москва

С. Яценчик

Вокруг избышки заборъ изъ человѣчьихъ костей, на заборъ торчатъ черепа людскіе.

лись. Въѣзжаетъ Баба-Яга на широкій дворъ, въѣзжаетъ, по-свистываетъ; позади нея Настя потихоньку вошла, и за ними опять все заперлось.

Выѣзла Яга изъ ступы, — ступа сама въ сарай поѣхала, — вошла въ горницу и развалилась на постели. «Подавай-ка,—говоритъ Настѣ, — что тамъ въ печи: я ѣсть хочу. Стала Настя таскать изъ печи да подавать Ягѣ кушанья, — а кушанья было настряпано человѣкъ на десять, — принесла изъ погреба квасу, меду, пива, вина. Все пріѣла, все выпила Яга; пріѣла и съ костями, выпила до единой капельки—оставила Настѣ одно только поросячье ребрушко, да и то обглоданное. «Ну, теперь, — говоритъ,—я до вечера спать лягу, а ты не бездѣлничай: состряпай мнѣ къ завтраку столько же ѣды, сколько было мнѣ на ужинъ приготовлено. Вотъ пока тебѣ вся работа, а буду вечеромъ уѣзжать, — дамъ тебѣ настоящее дѣло». Сказала Яга и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листь посыпался.

Вышла Настя на крыльцо, сѣла, на ступенькѣ и только что хотѣла позавтракать ребрушкомъ,—подходить къ ней старый облѣзлый котъ и говоритъ: «Мяу, мяу, дѣвица! Дай мнѣ то, чѣмъ тебя Яга поподчивала». Настя вспомнила совѣтъ Буренушкина рога, отдала коту ребрушко, а сама не ѣвши осталась. Стала она ходить по двору, Бабы-Яги хозяйство осматривать: всѣ амбары, погреба, закромы полнымъ-полны припасами. Забрала она чего нужно, и принялась готовить Ягѣ къ вечеру завтракъ. Вдругъ, выбѣжали изъ-подъ пола мышки и говорятъ: «Дѣвица, дѣвица! Дай намъ кашки, мы тебѣ пригодимся». Она имъ дала кашки. Сготовивши завтракъ, сѣла Настя подъ окошко и задумалась: какую работу ей Яга на ночь задастъ, скоро-ли домой отпустить. Подходить къ ней черная собачка, что дворъ сторожила, старая, худая—кости да кожа,—и говоритъ: «Здравствуй, дѣвица, чего пригорюнилась?» Настя ей рассказала, объ чемъ задумалась. «Вынеси мнѣ, дѣвица, говядинки кусочекъ: я тебѣ пригожусь». Вынесла ей Настя кусочекъ говядинки.

До вечера далеко, все дѣло сдѣлано,—вышла Настя на Ягинъ дворъ, подошла къ воротамъ, вдругъ говорятъ ей ворота человѣчьимъ голосомъ: «Дѣвица, дѣвица, подлеи намъ масла подъ пяточки:

мы тебѣ пригодимся». Она подлила имъ масла подъ пяточки. А яблонька, что у воротъ стояла, тоже просить: «Подвяжи меня, дѣвица, ленточкой изъ твоей русой косы: я тебѣ понадоблюсь». Настя и яблонькину просьбу исполнила.

Подошло дѣло къ вечеру, проснулась Баба-Яга, позавтракала по утрешнему и говоритъ дѣвицѣ: «Сейчасъ я уѣду, а ты въ ночь дѣломъ займись: есть у меня полный амбаръ пшеницы да кто-то со зла въ нее земли намѣшалъ. Такъ вотъ, къ утру ты всю пшеницу по зернушку перебери, каждую пшеничину обдуй, очисти, и чистую въ другой амбаръ пересыпь. Да смотри: ѣсть мнѣ приготовай. А не сдѣлаешь всего,—завтра я тобой поужинаю».

Вдругъ, мелькнулъ по двору всадникъ: самъ черный, одѣтъ въ черномъ, конь подъ нимъ черный, сбруя на конѣ черная; мелькнулъ и около дома точно сквозь землю провалился,—наступила ночь. Баба-Яга вышла на крыльцо, гаркнула, свиснула—подѣхала къ ней ступа съ толкачемъ. Она сѣла въ нее,—и загремѣла по лѣсу.

Осталась Настя одна,—не знаетъ за какую и работу впередъ взяться,—стоитъ у амбара да горько плачетъ. Вдругъ, выбѣгаетъ мышка: «Чего, дѣвица плачешь?»—«Какъ мнѣ, сѣрая мышка, не плакать? Наказала мнѣ Баба-Яга, къ утру изъ этого амбара всю пшеницу по зернушку отъ земли очистить и въ другой амбаръ перенести; да еще, чтобъ къ утру ей ужинъ готовъ былъ». — «Ну, красавица, въ этой бѣдѣ я тебѣ помогу. Ступай Ягѣ ужинъ готовить, а съ пшеницей мы за тебя справимся». Отперла Настя амбары, — откуда ни возмись, набѣжало мышей видимо-невидимо. Давай пшеницу изъ амбара въ амбаръ по зерну перетаскивать. Еще далеко до свѣту — вся работа была готова: и пшеница перечищена и ужинъ Ягѣ поспѣлъ.

Мелькнулъ во дворѣ бѣлый всадникъ,—стало разсвѣтать; мелькнулъ красный,—взошло солнце, глаза у череповъ, что всю ночь горѣли, потухли. Затрещали деревья, поднялся вихрь, дрогнула сыра-земля—ѣдетъ Баба-Яга. Настя ее встрѣтила. «Все-ли сдѣлано?»—спрашиваетъ Яга. «Изволь, посмотри сама, бабушка»,—молвила Настя. Яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: «Ну, ладно: не сегодня, такъ завтра!»

Потомъ крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные друзья! Смелите пшеницу на муку!» Откуда ни возьмись, явилось шесть паръ рукъ, похватали пшеницу изъ амбара и унесли прочь съ глазъ. Подозвала Яга къ себѣ собаку съ котомъ и говоритъ имъ: «Ну, а вы, дармоѣды, смотрите, день не спите, эту дѣвчонку сторожите, чтобы не ушла куда. Проснусь,—тогда въ васъ нужды не будетъ. Да чтобъ и ворота съ яблоней свое дѣло знали. Не то бѣда вамъ всѣмъ».

Наѣлась Баба-Яга, напилась, по вчерашнему спать завалилась, и говоритъ Настѣ: «Ты къ вечеру мнѣ завтрака не готовь, истопи только печку пожарче, а пока я не засну, сядь здѣсь около меня да почеши мнѣ голову». Настя сѣла около Яги. «Что ты такъ на меня, внучка, смотришь? — говоритъ ей Яга. — Ужь не спросить-ли о чемъ хочешь?» — «Хотѣлось бы, бабушка; да все не смѣла». — «Ну, спрашивай, только думай, что спросить хочешь: много будешь знать, скоро состарѣешься». — «Вотъ, когда я на полянѣ стояла, такъ мелькнулъ всадникъ, — самъ бѣлый и на бѣломъ конѣ. Кто онъ такой?» — «Это день мой ясный», — отвѣчаетъ Яга. «Потомъ, немного погода, красный всадникъ на красномъ конѣ мимо меня проскакалъ. Это кто-же такой?» — «А это мое солнышко красное». — «А что значить черный всадникъ на черномъ конѣ, что вечеромъ черезъ поляну промчался и въ твоёмъ дворѣ съ глазъ пропалъ?» — «Это ночь моя темная,—все мои слуги вѣрные!» — отвѣчала Баба-Яга, повернулась къ стѣнкѣ и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листь дождемъ посыпался.

Подождавши немного, вышла Настя на крыльцо; подбѣжала къ ней котъ и говоритъ: «Пришла тебѣ бѣда, дѣвица: вѣдь Яга затѣмъ печку тебѣ натопить приказала, чтобы въ ней тебя-же зажарить и тобой позавтракать. А ты печку топи, да трубу не закрывай. Можетъ, пока Яга ее опять калить будетъ — ты и убѣжать успѣешь. Хорошо-бы тебѣ теперь бѣжать, да не можемъ мы тебя выпустить, пока она не проснется. До того времени приказала она намъ тебя сторожить. Что она намъ прикажетъ, то мы и дѣлать должны». Какъ сказалъ котъ, такъ Настя и сдѣлала: печку вытопила, а трубы не закрыла.

Проснулась Баба-Яга. «Вытопила печку?» — спрашивает. «Вытопила», — говорит Настя. «Жарко?» — «Топила-то жарко, да боюсь, ужь не остыла-ли». Посмотрѣла Яга печку, разсердилась: «Эхъ ты, боярышня! Печку закрыть во время не умѣешь. Смотри, — совсѣмъ холодная. Ступай въ свѣтелку, садись пока прѣсть; я ужь сама печку истоплю какъ слѣдуетъ».

Затопила Яга опять печку, — цѣлый возъ дровъ въ нее ввалила; а Настя сидитъ въ свѣтелкѣ, — прѣсть не прѣдетъ, все думу думаетъ.

Бѣжитъ Настя дремучимъ лѣсомъ.

Вынула изъ-за пазухи Буренушкинъ рожокъ, прислушалась, — слышитъ изъ рожка голосъ: «Стоить здѣсь въ углу сундукъ. Раскрой его, вынь полотенце и гребенку. Какъ побѣдишь, да будетъ тебя Яга догонять, кинь позади себя гребенку. Не поможеть гребенка, — кинь полотенце. Да не забудь черепъ съ забора захватить. Бѣги, какъ стемнѣть».

Только раскрыла Настя сундукъ, что въ свѣтелкѣ, въ углу, стоялъ, — а Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «Ткешь-ли, внучка, ткешь-ли, милая?» — «Тку, бабушка, тку, милая!» — говоритъ Настя, а у самой со страха зубъ-на-зубъ не попадаетъ. Ушла Баба-Яга. Вдругъ, слышитъ Настя: кто-то къ ней въ дверь парাপаетъ. Приотворила, — вбѣжалъ котъ и говоритъ: «Ну, дѣвица, теперь пора, ужъ стемнѣло: бѣги скорѣй сколько есть силы». Вскочила Настя изъ свѣтелки, — собачка ее пропустила, ворота передъ ней отворились, яблонька въ сторону отогнулась, — схватила она черепъ съ забора вмѣстѣ съ палкою и пустилась бѣжать въ лѣсъ безъ оглядки.

А котъ сѣлъ за ткацкій станъ, — ткеть не ткеть, только путаетъ. Подошла Баба-Яга къ окошку и спрашиваетъ: «Ткешь-ли, внучка, ткешь-ли, милая?» — «Тку, баба, тку!» — говоритъ котъ. Баба-Яга бросилась въ свѣтелку, увидѣла, что Настя ушла, — давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выпарапалъ ей глаза. «Я тебѣ сколько служилъ, — говоритъ котъ, — ты мнѣ сухой корки не дала, а она меня косточкой попотчивала». Накинулась Баба-Яга на собаку — зачѣмъ не лаяла, не кусала Настю, когда она убѣгала, на ворота, — зачѣмъ передъ ней отворились, на яблоньку, — зачѣмъ ей глаза не выхлестнула. «Я тебѣ сколько служила, — говоритъ собачка, — ты мнѣ косточки обглоданной не кинула, а она меня мясомъ покормила». — «Мы тебѣ сколько служили, — говорятъ ворота, — ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ масла подлила». — «Я тебѣ сколько служу, — говоритъ яблонька, — ты меня и ниточкой не подвязала, а она, добрая, меня ленточкой изъ косы подвязала».

Баба-Яга сѣла поскорѣй въ ступу, — толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замечаетъ, — и пустилась догонять Настю. Бѣжитъ Настя что есть силы, дремучимъ лѣсомъ. Вокругъ нея

А Баба-Яга ужь вотъ она. Вотъ-вотъ догонитъ!

ночь темная, непроглядная; видятся ей страшныя чудища, — за сарафанъ ее хватаютъ, дорогу загораживаютъ, — а она все бѣжить да бѣжить. Вдругъ слышитъ она: далеко-далеко сзади точно буря загудѣла, точно громъ загрохоталъ.... Прислонила ухо къ землѣ, — стонетъ, дрожитъ мать сыра - земля.... Баба-Яга догоняетъ.

Обернулась Настя и кинула назадъ себя гребешокъ. Вдругъ поднялся сзади такой густой лѣсъ, что и мыши между деревьевъ не пробраться, — дремучій да страшный лѣсъ, безъ единой тропиночки. Наскочила Яга на лѣсъ — нельзя дальше. Завыла со злости и давай въ лѣсу себѣ дорогу прогрызать.

А Настя все бѣжить да бѣжить. Вотъ ужъ и лѣсу скоро конецъ, разсвѣтатъ начало. Вдругъ слышитъ: опять сзади загудѣло, загрохотало пуще прежняго, близится грохотъ, точно буря несется, стѣя слышно, какъ дрожитъ, стонетъ мать сыра - земля. То Баба-Яга прогрызла лѣсъ и въ погоню мчится. Оглянулась Настя, а Баба-Яга — ужъ вотъ она, вотъ-вотъ догонитъ!.. Только успѣла Настя кинуть полотенце, — разлилось позади ея широкое синее море, разлилось безъ конца-края. Подхватили волны Бабу-Ягу, назадъ на берегъ вмѣстѣ со ступой выкинули. Постояла-постояла Яга на берегу, скрипнула со злости зубами, — да ничего не подѣлаешь, пришлось назадъ, въ свою берлогу, не солоно хлѣбавши, ворочаться.

Еще солнце не всходило, подошла Настя къ своему дому. У воротъ хотѣла-было она бросить черепъ, что ей всю ночь въ лѣсу свѣтилъ, вдругъ слышитъ, — изъ Буренушкина рожка говорить ей голосъ: «Не бросай черепъ, носи къ мачихѣ!»

Мачиха съ своими дочками встрѣтила Настю ласково, и рассказала, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ въ домѣ такъ и не было огня: сами добыть никакъ не могли, а какой отъ сосѣдей приносили, — тотъ сейчасъ гаснулъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось хоть твой огонь, будетъ держаться,» — говорить мачиха.

Внесли черепъ въ горницу, — а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ-было прятаться, —

только, куда ни бросятся, глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ. Въ минуту совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Скоро вернулся изъ отлучки Настинъ отецъ. Настя ему все рассказала, и стали они жить вдвоемъ въ мирѣ да согласіи лучше прежняго, потому что какъ померла ма-чиха, такъ и колдовство ея надъ Настинымъ отцомъ кон-чилось.

Бѣдный мужикъ.

ель бѣдный мужикъ полемъ и увидалъ подъ кустомъ зайца. Обрадовался мужикъ: «Вотъ, — думаетъ, — счастье-то! Сейчасъ я этого зайца плетью убью, снесу въ городъ и продамъ, а на тѣ деньги куплю себѣ курочку. Курочка нанесетъ яицъ, высидитъ цыплятъ; какъ подрастутъ цыплята, я ихъ продамъ и куплю себѣ свинку. Свинка принесетъ мнѣ двѣнадцать поросятъ; поросята подрастутъ, принесутъ каждый еще по двѣнадцати, а тѣ вырастутъ — опять по двѣнадцати принесутъ. Я ихъ всѣхъ переколю, мясо продамъ, на денежки домъ и все хозяйство заведу, а самъ женюсь. Родятся у меня двое сыновей: Ванька да Васька. Дѣтки станутъ съ работниками пашню пахать, а я буду у окна сидѣть да порядки давать: «Эй вы, ребятки, — крикну, — Ванька да Васька! Очень-то людей къ работѣ не невольте, видно сами бѣдно не живали!»

Да такъ громко крикнулъ мужикъ, что заяцъ испугался и убѣжалъ, а съ нимъ и домъ мужиковъ и все богатство и жена и дѣти пропали.

